А.Р. Димаев

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Миграционные волны, неоднократно возникавшие в человеческой истории, меняют этническую структуру человечества, сталкивая разные культурные сообщества и, таким образом, «напрягая» ***политическую*** карту мира. Возникает ***политическое*** напряжение внутри стран, в которые устремляются мигранты, именно в связи с тем, что у этносов этих стран автоматически проявляется установка «свой – чужой». Вступает в силу фактор определения принимающим этносом, с помощью своеобразной системы смыслов и знаков, кто в отношении принятых в данном этнокультурном сообществе «правил игры» инсайдер, а кто аутсайдер. Действие этого фактора оказывает прямое воздействие на состояние данной страны как ***политического, гражданского*** сообщества, т. е. сообщества, скрепленного уже не единым языком и единой культурной традицией, но единой системой принуждения, единой политической историей и единой политической повесткой. Миграционная ситуация, возбуждая указанный фактор, подвергает политическое, гражданское единство «атакуемого» мигрантами этноса большому испытанию, проектируя некую новую политическую повестку[1].

Собственно, нынешняя волна глобализации, и она же – миграционная волна, связанная с очередной революцией в технологии человеческой коммуникации (компьютерными технологиями) и, соответственно, переходом к информационному обществу, в очередной раз вызвала в мировом сообществе политическую, гражданскую дестабилизацию. Сегодня страны, в том числе Россия, переживают такую ***социально-политическую*** дестабилизацию по самому факту миграционной глобализации, которая, так или иначе, захватывает страну (буквально за единичными исключениями), независимо от того, привлекательна она для мигрантов или нет. Согласно экспертному наблюдению, социально-политическую дестабилизацию испытывают даже весьма привлекательные для мигрантов и весьма привычные к мигрантам западноевропейские страны. И проявляется эта дестабилизация, например, в том, что

[1] См.: *Малкин В.* Другой народ // Ведомости. 2006. № 179.

«в течение пяти лет, с 2002 по 2006 год, число британцев, видящих в исламе как религии и в своих мусульманских соотечественниках угрозу себе и своей стране, выросло в два раза и перевалило за половину – 56%»[1].

Социально-политическая дестабилизация в современной России, по своим глубинным причинам и по своим проявлениям (в частности, в известном инциденте межэтнического противостояния в Карелии), ничем существенно не отличается от социально-политической дестабилизации в современной Великобритании. Россия попросту, поскольку она – не закрытая страна, как, скажем, Северная Корея, оказалась частью глобального миграционного пространства. Неважно, насколько большой поток мигрантов устремился в Россию, важно, что Россия ***встретилась*** с мигрантами, и этого достаточно, чтобы у этнического большинства страны актуализировалась установка «свой – чужой», а вместе с ней и запустился механизм социально-политической дестабилизации, поставивший на повестку дня вопрос о России как ***политической, гражданской*** нации[2].

Вопрос, как видим, не пустой. Его не ксенофобы поставили. Его поставила сама жизнь. Ксенофобский ответ означал бы такой выход из кризиса политической (гражданской) идентичности нации, при котором стала бы возникать политическая идентичность, основанная исключительно на противостоянии «врагам» нации, внутренним и внешним, по простой логике: нет «врагов» – нет идентичности. Значит, ксенофобский ответ предполагает обязательный поиск «врагов», внимательное отслеживание любой критики в адрес власти, вставшей на ксенофобский путь «сплочения нации», с тем, чтобы публично и максимально громко представить всех таких критиков как «врагов» страны. В мировой истории существует множество классических примеров подобного «сплачивания нации», и один из них – национал-социалистическая Германия, в которой «сплочение нации» было достигнуто неустанной работой власти по созданию для массового сознания страны образа врага в виде «всемирного еврейского заговора».

Мигранты очень удобные кандидаты на образ врага для массового сознания, и интеллектуально примитивной власти было бы заманчиво использовать их в этом качестве для «сплочения нации». Однако сегодня мигранты представляют настолько важ-

[1] Цит. по: *Малкин В.* Другой народ. С. 38.

[2] См. о понятии «политическая (государственная, гражданская) нация»: *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М., 2004.

ный социально-экономический ресурс, насколько важность этого ресурса общепризнана в мире, что даже власть, готовая «сплачивать нацию» на поиске «врагов», вынуждена отказаться от «вражеского» образа мигранта. Даже такая власть понимает, что в противном случае не придется рассчитывать на помощь мигрантов в решении социально-экономических проблем страны.

Между тем факт, что мигранты оживляют у принимающих этносов установку «свой – чужой», тем самым вызывая кризис идентичности политических (гражданских) наций. Ситуация этого глобального социально-политического кризиса весьма противоречива. Верно, что данный кризис влечет за собой кризис ***либеральной*** государственной политики, заметно повышая общественный рейтинг правой, консервативной политики. Вместе с тем в странах, где много мигрантов и где, следовательно, у коренного населения растет популярность правой, консервативной политики, политические элиты во многом зависят на выборах от мигрантов, а те требуют именно либеральной политики. Поэтому противоречив сам кризис либеральной политики. Повод к нему подали мигранты, но они же и не дадут умереть либеральной политике, вынуждая правительства к поиску иных технологий «сплочения нации», чем право-консервативные технологии, в сущности, направленные против иммиграции как таковой. Таким образом, «кризис» либеральной политики – это, скорее, ее ***переходное*** состояние в ответ на кризис идентичности политических (гражданских) наций, вызванный вхождением мирового социума в координаты «планеты мигрантов».

О «кризисе западного либерализма» западные социологи и политологи заговорили довольно давно, в 1980-х гг., объясняя падение популярности либеральной политики, которая на Западе идентична левой, социал-демократической политике, кризисом социал-демократических «государств благосостояния». Однако, на наш взгляд, корневой причиной роста популярности на Западе с 1980-х гг. право-консервативной политики явилось зарождение тогда глобальной миграционной волны в прямой связи с началом формирования глобального информационного (постиндустриального) общества.

Советский Союз ответил на начавшуюся в 1980-х гг. информационную и социально-экономическую, в том числе миграционную, глобализацию перестройкой. Своеобразие этого ответа состояло в либеральной политике перестройки, в то время как в остальном развитом мире переходили к право-консервативной политике. Такое движение страны против магистрального процесса было впол-

не логичным, поскольку советская социально-экономическая система требовала именно либерализации – хотя бы минимальной политической и экономической демократизации, чтобы иметь саму возможность включиться в мировое пространство рынка и демократии. И только получив «пропуск» в это в целом либеральное пространство, страна могла адекватно отреагировать на процессы информационной и социально-экономической, в том числе миграционной, глобализации.

Российский «либерализм» 1990-х гг. все сегодня ругают, называя «радикал-либерализмом» и обвиняя правительство «радикал-либералов» в том, что оно практически устранило инструмент государства из социально-экономического процесса[1]. Однако нельзя не признать, что при всех искажениях российской приватизации – введения рынка и частной собственности – либеральная фаза правительственной политики была императивной, и невыполнение этого императива попросту лишило бы страну любого маневра в мировом социально-экономическом пространстве. Бесспорно, что российская приватизация была проведена из рук вон плохо, и об этом написано много и убедительно, но, как бы то ни было, прошедшая в 1990-е гг. либерализацию социально-экономическая система России, тем самым, получила возможность как-то встретить вызов миграционной глобализации. Именно «как-то», поскольку издержки встречи Россией миграционного вызова велики – в Россию направился поток мигрантов, но качество этого потока оставляет желать лучшего.

По нашему убеждению, благодаря тому, что в России в 1990-е гг. состоялась, пусть и с большими издержками, либеральная фаза правительственной политики, страна в конце 1990-х гг. получила право на проведение «консервативной» правительственной политики. Подчеркнем, страна получила это право вовсе не потому, что либерализм в России 1990-х якобы скомпрометировал себя, оказался несвоевременным и т. п., но – как право ответить на кризис идентичности политической (гражданской) нации в связи с миграционным вызовом[2].

---

[1] См.: *Холмс С.* Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et contra. 1997. № 4. Т. 2. С. 125–140.

[2] См. о дискуссии вокруг понятий «либерализм» и «консерватизм» в отношении России 1990-х гг. и именно в связи с понятием «национальная идентичность»: *Рормозер Г.* Кризис либерализма. М., 1996; *Рормозер Г., Френкин А.А.* Новый консерватизм: вызов для России. М., 1996; *Цымбурский В.Л.*

Мы настаиваем, что ***объективная*** логика право-консервативного поворота в российской правительственной политике связана с миграционным вызовом политическим (гражданским) нациям, перед которым оказалось мировое сообщество, а в результате в мире стала набирать популярность правоконсервативная правительственная политика. Эта популярность временна – на период, пока не спадет вызванная миграционной волной острота кризиса идентичности политических (гражданских) наций. А такой спад неизбежен, поскольку отменить «планету мигрантов» нельзя, и рано или поздно «возмущенная» идентичность политических наций «успокоится» в новом социальном равновесии.

В России 2000–2007 гг. есть явные признаки некоего подобия «правоконсервативного» поворота правительственной политики. Это – официальное декларирование либеральной экономики в «пакете» с не очень (и даже очень не) либеральным государством, которое, с одной стороны, активно участвует в «государственно-частном партнерстве», а с другой – весьма откровенно подавляет гражданское общество. Не будем обсуждать, насколько такая политика отвечает общепринятому в мире пониманию, что такое правоконсервативная политика (особенно – что касается взаимоотношений государства и гражданского общества). Лишь отметим, что поворот в правительственной политике России от «либерализма» 1990-х гг. к «консерватизму» 2000–2007 гг. имеет смысл только в качестве неких «чрезвычайных мер», призванных решительно переломить ситуацию с теневой экономикой и коррупцией. Однако такой поворот лишен смысла, если он преследует цель построения «особой» общественной системы – консервирующей «чрезвычайные» отношения между государством и гражданским обществом (поражение в правах гражданского общества) в России.

Идентичность политической нации в России, как и в других странах, будет достигнута не через «этнокультурную идентификацию», а через эффективную миграционную политику, обязательно либеральную, поскольку «планета мигрантов» – либеральная «планета». Такая либеральная миграционная политика, как эффективная в современных условиях – в будущем, но необходимо, чтобы это будущее уже начинало выстраиваться. Россия уже сегодня переживает социально-политический кризис – идентичности по-

---

О книгах Г. Рормозера и А.А. Френкина // Вопросы философии. 1998. № 10. С.145–150; *Поляков Л.В.* Консерватизм в России – время пришло? // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 138–145.

литической нации, обязанный миграционной ситуации даже не столько в России, сколько во всем мире, поскольку миграционная ситуация в России производна от общемировой миграционной ситуации.

Носящая глобальный характер миграционная ситуация вызывает кризис идентичности политических наций в ответ на проявление в затронутых глобальной миграционной ситуацией странах новой – проблемной – социально-политической обстановки. В чем новизна и проблемный характер связанной с мигрантами социально-политической ситуации? В том, что легальные мигранты бросают вызов принимающей политической нации не только в качестве социально-экономических ее конкурентов, но и как ***избиратели***, способные, если их много, существенно влиять на социально-политический процесс в соответствующих странах. Причем, характер этого влияния достаточно предсказуем, поскольку в массе своей мигранты, добивающиеся легального иммиграционного статуса, – свободные люди, электоральные предпочтения которых либеральны. Такие предпочтения для них важны еще и как для людей, которые могут выжить и достойно существовать только в либеральной, толерантной атмосфере чужой страны. Например, любой диаспоре нужны гарантии ее социального, экономического и гражданского равноправия с представителями титульного этноса, и она никогда не будет голосовать за политиков право-консервативного толка с их подчеркнутым вниманием в защите интересов титульного этноса. Вспомним высказывание право-консервативного политика Маргарет Тэтчер: «Поскольку британский народ опасается, что его поглотят люди, принадлежащие к иной культуре, страна, в которой я возглавляю правительство, должна иметь в виду четкую перспективу прекращения приема иммигрантов»[1].

Ни одной диаспоре не может понравиться подобное политическое заявление, поскольку оно дискриминационно по отношению к иммигрантам – неважно, потенциальным или давно уже составившим в данной стране диаспоры. Ясно, что диаспоры во всем мире предпочитают в странах, в которых обосновались, либеральную, социал-демократическую политику и отвергают политику право-консервативного, а также право- и леворадикального толка. Отсюда следует вывод о ***маргинальном*** характере текущего всплеска популярности право-консервативной политики в некоторых разви-

[1] *Simon J.L.* The economic consequences of immigration. Oxford, 1989. P. 11.

тых странах – эта тенденция не может быть магистральной по той простой причине, что современный мир становится «планетой мигрантов», миром диаспор. В таком мире магистральная социально-политическая тенденция совершенно иная.

В связи с этим весьма показательна российская социально-политическая тенденция 2000–2007 гг. В указанный период в России происходит явственное оформление государственной политики «право-консервативного» толка. Заметим, что такое определение нынешней государственной политики России достаточно условно – российский «правый консерватизм» имеет милитократический и «советизированный» (во всяком случае, в отношении политической системы) облик[1]. Но, как бы то ни было, выбор официальной Россией «право-консервативного» вектора представляется сделанным исключительно по внутренним и неким чрезвычайным для страны обстоятельствам. Действительно, выбор этот может быть оправдан только как «чрезвычайный», поскольку он на годы выводит страну из магистрального в мире социально-политического процесса, обусловленного формированием скорее либеральной, нежели право-консервативной «планеты мигрантов».

Каковы же «чрезвычайные внутренние обстоятельства», могущие стоять за российским «право-консервативным» выбором? Собственно, они хорошо известны в изложении тех многочисленных экспертов, кто в свое время справедливо указывал на системные изъяны российского правительственного «либерализма» 1990-х гг. В частности, вот лишь одно из наиболее мягких экспертных мнений о российской приватизации, которое высказал Дж. Стиглиц, бывший в 1990-е гг. главным экономистом Всемирного банка, назвавший взгляды авторов российской приватизации «заимствованными из примитивных учебников или представляющими наивную идеологию»[2].

Можно было бы привести и гораздо более жесткие оценки российской приватизации, сделанные российскими экспертами, но Дж. Стиглиц усмотрел главное – то, что российский правительственный «либерализм» 1990-х гг. руководствовался, в лучшем случае, представлениями о рынке и частной собственности, какими эти институты были в XIX в., но эти представления не соответствовали мировой действительности рынка конца XX в. Проще говоря, в России вводилась уже изжитая временем модель рыноч-

[1] См.: *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2006. С. 273.

[2] Newsweek special issue. 1999. December. P. 58.

ной экономики, и это – помимо многочисленных нарушений в процессе приватизации, давших повод и к такой экспертной констатации, что «Россия вместо рыночной экономики получила экономику феодальную»[1].

Таким образом, трудно спорить с тем фактом, что российский правительственный «либерализм» 1990-х гг. скомпрометировал себя, крайне плохо выполнив объективно стоявшую перед Россией тех лет важнейшую задачу введения страны в мировую систему рыночных отношений ***нового типа – постиндустриального***. В самом деле, если правы те, кто говорит, что в России была построена «феодальная экономика», то страна заведомо игнорировала постиндустриальный вектор мирового социально-экономического развития, заведомо выпадая из мировой магистрали. Этот российский результат 1990-х гг. и заслуживал бы своей оценки как «чрезвычайных внутренних обстоятельств», по которым надо было принимать решительные меры. Вот и оправдание смене с 2000 г. государственной политики России с «либеральной» на «право-консервативную».

Собственно, в 2000–2001 гг. российские эксперты, в том числе и либерально настроенные, так и оправдывали наметившийся тогда в стране с приходом нового Президента Российской Федерации «право-консервативный» поворот. В частности, эксперты доказывали, что «смысл предпринятых президентом шагов не в восстановлении административной системы унитарного государства. Смысл в ином – в создании в стране эффективной системы власти и управления, укреплении исполнительской дисциплины, обеспечении государственной целостности и единства правового и экономического пространства федеративного государства»[2].

Подобным образом известный российский ученый С.Д. Валентей считал, что «Владимир Путин “поднял перчатку”, приняв глобальный вызов стране. Внесение на рассмотрение Федерального Собрания трех проектов федеральных законов, направленных на укрепление единой исполнительной вертикали, было воспринято как нечто неожиданное. Так что же потрясло политическую элиту? Полагаю, не то, что президент признал в качестве наиболее слабого звена реформ неурегулированность федеративных отношений.

---

[1] *Валентей С.Д.* Три вызова России // Федерализм. 2000. № 4. С. 23.

[2] *Кирпичников В.А., Барганджия Б.А.* Формирование эффективной системы власти и управления в рамках действующей Конституции России // Федерализм. 2001. № 1. С. 12.

А то, что, официально озвучив сей факт, он предпринял шаги, на которые не хватило политической воли у его предшественника»[1].

Правда, дальнейшее развитие событий внутри России разочаровало либерально настроенных исследователей, которые увидели в новой политике власти не упорядочение федеративных отношений для восстановления управляемости в процессе укрепления демократических институтов, а, напротив, решительное наступление на гражданское общество. Действительно, Россия за 2000–2006 гг. практически лишилась такого важного механизма гражданского общества, как политический рынок, работающий в демократиях в качестве механизма мирной (демократической) сменяемости власти. Политический рынок в России перестал существовать в процессе последовательной отмены: выборов губернаторов; одномандатных выборов; пятипроцентного порога прохождения партий в парламент в пользу семипроцентного порога; графы голосования «против всех»; лимита явки на выборы. Процесс прокомментировал известный российский экономист и социолог В.Л. Иноземцев следующим образом: «И теперь, для завершения картины, отменен лимит явки. Отныне власть не нуждается в доверии народа. При этом избирателям не оставили даже формальной лазейки: если даже те или иные действия правительства вызовут их возмущение, шансов законным образом широко заявить об этом у подданных российской власти нет – для референдумов пятидесятипроцентный порог явки, разумеется, сохранен. Большая политика закончилась в России в ноябре 2006 г. – теперь уже не только де-факто, но и де-юре. А история учит, что с завершением в той или иной стране большой политики практически всегда наступает и ее закат как великой державы»[2].

Можно соглашаться или нет с подобной оценкой «право-консервативного» поворота в государственной политике России, но для нас важно разобраться, какой смысл эта политика имеет для взаимоотношений России с «планетой мигрантов». Ясно одно – такая политика для страны, рассчитывающей на массовый приток мигрантов и намеревающейся провести амнистию нелегалов, нелогична, она не будет понята мигрантами, стремящимися к легальной жизни в чужой стране. Еще как-то логичен рост право-консервативных настроений в развитых странах, переполненных диаспорами, которые продолжают непрерывно пополняться, но не в России – бедной

[1] *Валентей С.Д.* Три вызова России. С. 24.

[2] *Иноземцев В.Л.* Конец «больших политик» // Monde diplomatique. Русское издание. 2006. № 5. С. 1.

легальными мигрантами стране. Собственно, сама решительность, с которой в России за 2000–2007 гг. произошел поворот к политике сворачивания гражданского общества, свидетельствует о том, что такая, непривлекательная для мигрантов, политика обосновалась в стране надолго и что, следовательно, Россия еще долго останется страной, весьма слабо связанной с «планетой мигрантов» – лишь через привычный приток нелегалов.

На наш взгляд, подобные взаимоотношения России с «планетой мигрантов» – отношения взаимного отчуждения – нетерпимы уже просто по соображениям национальной безопасности. Сегодня в мире, который показывает себя «подвижной», миграционной средой, страна, привлекательная и открытая для мигрантов, в большей степени адаптирована к этой мировой среде и, следовательно, находится в большей безопасности, чем страна, поставившая себя с мигрантами в отношения взаимного отчуждения. Для России это де-факто взаимное отчуждение (многочисленные нелегалы – не в счет) выливается в консервацию социально-политического кризиса, связанного с кризисом идентичности политической нации, помимо того, что страна не использует ресурс мигрантов в решении всего спектра своих социально-экономических проблем. Повторим: в России кризис политической нации существует уже просто потому, что она столкнулась с «планетой мигрантов», а вовсе не потому, что в такой кризис якобы вверг общество правительственный «либерализм» 1990-х гг. И хуже всего, что этот реальный социально-политический кризис (идентичности политической нации) не может «рассосаться» заменой политики «либерализма» на политику «правого консерватизма». Напротив, такая замена только консервирует кризис. Действительно, российский «правый консерватизм» 2000–2007 гг. призван консолидировать политическую нацию на критике и изживании российского «либерализма». Между тем истинной причиной кризиса идентичности политической нации в России является именно столкновение страны с «планетой мигрантов». Поэтому реальной консолидации политической нации в России не может произойти вокруг «право-консервативной» политики, оставляющей миграционную ситуацию на дальней периферии своих интересов.

ПУБЛИКАЦИИ СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ